

Необыкновенное
путешествие
Тряничного
Оленя

Зимняя сказка про одну
бабушку, дедушку и внука.

И про Любовь!

Необыкновенное путешествие Пряничного Оленя

Бабушка пекла имбирные пряники. Была среда, вечер. Вечер состоял из электрического света, тепла нагретой духовки, снега за окном, скрипучих шагов соседей сверху, едва слышного голоса бабушки, которая что-то напевала. Еще были припудренные мукой руки, мысли, одетые в усталость, и ладони, краснота которых застенчиво пылала, как щеки румяной девушки. Пряничный Олень, по правде сказать, был далеко не первым в эту среду, к которому притронулись, которого разгладили, прихлопнули эти ладони. Вечер среды состоял из утра и дня. Утро было большое, раннее, темное и снежное. Оно состояло из звона будильника, краткой молитвы и торопливых шагов на ту самую кухню, где сейчас лежал на противне, чуть смазанный маслом, блестящий и пряный – любопытный Олень. Но утром на кухне его еще не было, там грелись какие-то пузатые кастрюльки, чайники, и ложки выпрыгивали на стол с ящика. Бабушка готовила дедушке. Дедушка еще спал, как думала бабушка, и не спал, как знал сам

дедушка. Он прислушивался к шуму на кухне, потихоньку вздыхал, чтобы жена не услышала, и гадал, глядя сквозь спущенные шторы, по которым прыгали мохнатые тени (это утро было цвета зимней ночи, фонари добавляли свой теплый оттенок, и в нем то и танцевали тени – толстые пушистые снежинки) - гадал, что еще постного придумает жена, чтобы он позавтракал и взял с собой в длинный

середичный день... По запахам он понимал, что это будет каша, быть может, тыквенная; значит с изюмом, медом летнего цвета или яблоком аромата осени. Он не думал о том, что в каше, кроме желтых шариков пшена, или длинных полосок риса, и круглых прозрачных плямок

оливкового масла, кроме сладости разбухшего изюма и меда будет находиться еще кое-что. Что это, вечером назовет пряничный Олень, но до вечера утром всегда далеко. Еще это утро состояло из времени, и у времени были седые глаза и тонкие прозрачные руки: ими оно подгоняло бабушку – быстрее, быстрее, быстрее. Бабушка торопилась, но все равно опаздывала. Но она была хитрой и опытной: зная, что опоздает, бабушка обманула время, и

будильник был заведен на четыре минуты раньше, специально на такой случай. В это же утро вошел хлопок дверью – совсем тихий, как крадущийся шаг, но он был словно выстрел стартового пистолета для бабушки: можно, наконец, не притворяясь проснуться и на кухню! Хочется пить, и еще любопытно, каша ли это или просто снились ему в полудреме мед цветочного запаха и осеннего цвета яблоки.

А утро, тоже подталкивая и торопя, повело бабушку по нечищенным дорожкам вперед, быстрее! Потому что до маршрутки уже не больше получаса, а до того момента, как там, в церкви, ее позовут читать, остался без малого какой-то час. Бабушка ехала в церковь. Утро в среду для бабушки, пожалуй, состояло только из церкви, а еще, как сегодня, оно обещало большую работу. Когда бабушка, наконец, добралась (она не опоздала, и это было смешно и радостно, что снова удалось провести время, которое уже отчитало ее за медлительность), когда она добралась, то цвет среды поменялся: он стал церковным, снежным и запаха пламени свечки. В нем сиреневой дымкой носился ладан и светлый бархат молитвы священника оттенял его края.

Состав бабушкиного утра пополнился одной кафизмой, которую успела прочесть бабушка на клиросе до начала, молитвами, которые она читала еще по дороге, молениями, которые шептала душа бабушки в храме, когда лицо ее было непроницаемо и спокойно, листочками с именами – живых и живых у Бога, славословием Творца, Литургией и исповедью чистого цвета покаяния. Если кратко сказать, то утро состояло из Благодати. Потом наступил ранний день. Первым его ингредиентом было слово:

- Трапезная!

Состав слова был: тревога, укор, любовь, возмущение, вулкан, смирение, озорство, расстройство, улыбка, журение. Это был состав имени главной трапезницы. И бабушка пошла (побежала даже) скорее на трапезную.

Трапезная находится на тихой улице: такой тихой, что слышно, как съезжает с крыши снег и как ворчит у себя в будке, сня косточку, собачка как упитанный мохнатый пони.

Бабушка заступила на трапезную. Состав у трапезной такой: плита, огонь, большая

кастрюля с супом, труд. Благодать. Правда, еще были помыслы. Бабушка закрыла деревянную дверь, как ей показалось плотно, но не учла, что между полом была огромная щель, и пролезть сквозь нее помыслам не составляло никакого труда. Особенно маленьким. Большие же встали друг на друга, обперев толстые крепкие ножки, и дружно стучали злыми, обиженными кулачками в дверь. Но бабушка не пускала. На

мелкие же, которые просачивались в щель, наступала тапком: потом ей казалось, что это снег растаял, и она нанесла его с улицы... Только два помысла имели к бабушке доступ в это время: они проходили сквозь дверь, потому что были одеты в молитву, а в молитве было два имени. Они вливались в общие прошения к Богу, положенные при служении на трапезной, и сливались воедино. Два имени: ей можно молиться о них. Ей радостно молиться о них. Ей *нужно* молиться о них.

Состав этих имен: внучка и дедушка. Иногда дедушка и внучка. Иногда она и не могла понять, какое же имя в молитве возносится к Богу первым.

А вот теперь вечер среды. Про состав его мы уже все знаем, вот только сейчас добавили Пряничного Оленя. Олень появился на свет две минуты назад, за четыре вечера до дня рождения внучки. Он был подарок в честь этого дня, но пекся на Рождество. Состав Оленя был такой: мука, масло, мед, сахар, пряности, яйца, и глазка в виде изюма. Чуть позже к нему прилипнет белковая глазурь. Чуть раньше, когда случится чудо, о котором никто не будет знать, в его состав войдет много-много чего.

Я не могу сказать, сколько надо положить крупинок муки, или кристалликов сахара, или какой мед – с цветочных полей или лесной надо брать, чтобы Пряничный Олень ожил. И когда он ожил, я не знаю. Но в какой-то момент это случилось, и моя история имела бы совсем иной конец, если бы в то самое мгновение, когда свершилось чудо, бабушка не подумала бы о внучке. Так случилось, что мысль эта еще ничем не успела окраситься и выплеснулась на пряник прозрачным цветом – бабушка ничего не заметила. Мысль была прозрачна и светла, и ее состав был – чистая молитва, и если этот ингредиент не был бы добавлен, то и того, что

случилось дальше, не случилось бы. Пожалуй, если бабушка допустила бы несколько других красок: любых - ярко-малиновых воспоминаний цвета веселости, сочной бодрости голоса или серых тонов сомнения, а будет ли Олень подарен на Рождество? Или если бы хоть на микрон попала бы в пряник черная краска обид - этой истории не случилось бы. Но все сошлось, и поэтому состав Оленя обогатился: кроме яиц и муки с кардамоном в нем разлилась бабушкина молитва.

Когда бабушке пришла озорная мысль об изюмичной глазке, она не долго думала. И теперь Олень все увидел.

Неизвестно, свойство ли это изюма, или наш Олень был совсем особенный, или все дело в чуде - но он смотрел на мир не так, как смотрим мы.

Первым делом, он взглянул в глаза бабушки и увидел весь бабушкин день, и утро, и даже все, что было до утра этого утра. Так он узнал все о бабушке, и стал дожидаться дедушку. Внуку он стал ждать вместе с бабушкой на Рождество, а дедушка,

как знала бабушка, должен был прийти совсем скоро, когда время дотронется до цифры семь на часах. Пока дедушки не было, Олень оглянулся по сторонам и ощутил струящееся мягкое тепло. Быть может, противень с ним поставили в духовку? Нет – это тепло лилось из-под фартука, запорошенного мукой как крыша дома в первый осенний снег, и чуть липкого от меда, который ухитрился капнуть и моментально спрятаться в волокнах ткани. Только липкость его теперь выдавала. Тепло пульсировало и билось, и Олень сначала подумал, что это часы. Но потом передумал и утвердился: это было сердце. Состав бабушкиного сердца был в тот вечер:

Благодать утра, молитва, любовь. Олень сбежал с противня, и когда бабушка отвернулась и поглядела в окно (цвет у окна был декабрьский зимний, а оттенок - вечерний, со снегом), он прыгнул в

карман фартука и попробовал рожками дотянуться до того потока света, что он видел теперь совсем рядом, горящий, как млечный путь. Когда получилось, Олень понял, что свет вошел в него, но от бабушки – не убавилось. Итак, состав Оленя обогатился еще.

- Где пряник? – бабушка спросила противень, вечер, саму себя – и никто не ответил. Через секунду пряник нашелся в кармане и это заставило ее присесть и подумать: как устала же я за сегодня! Цвет этой мысли был сиреневый, и по краям бордовый. Олень подумал и не дотронулся до него – цвет Оленя остался по-прежнему пряничным.

Потом пришел дедушка. Состав дедушки в тот вечер был: усталость, заботы, усталость. ЗАБОТЫ. УСТАЛОСТЬ. УСТАЛОСТЬ. Бабушка взглянула на него, помолилась кратко, и дедушка обогатился: в его сердце добавилась Благодать.

Дедушка улыбнулся, но так, чтобы не заметила бабушка, (Олень заметил, потому что смотрел не так, как смотрим мы, люди) и поблагодарил, но тоже так, что узнал только Олень. Вслух же он сказал:

- Привет.

Бабушка сказала:

- Привет.

И Олень увидел, что эти слова словно конфеты. Но почему конфеты, Олень объяснит нам чуть позже, когда бабушке

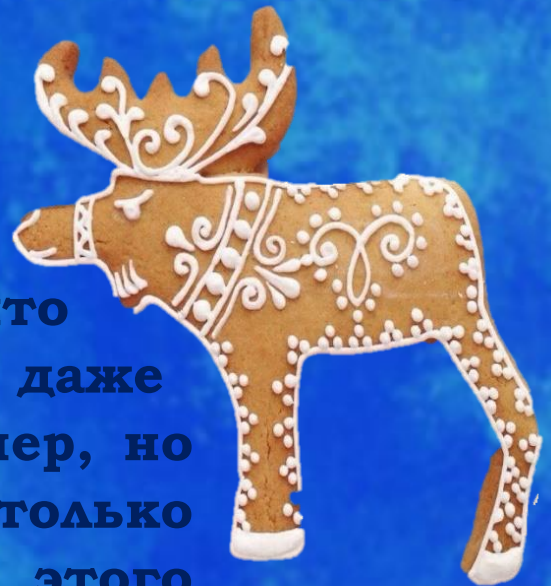

позвонит внушка. До этого события будет еще двадцать пять минут и десять секунд, и дедушка успеет поесть, спросить – почему в холодильнике яйца – ведь пост. Услышать, что яйца в Олене, а Олень на день рождения, а подарится он на Рождество. Дедушка даже успеет по ошибке назвать Оленя лосем, но бабушка его поправит.

Нет, она покупала пряничную вырубку в виде оленя. (Состав

вырубки: сталь и огонь). Дедушка пойдет к себе и скажет, но так, чтобы бабушка не узнала, что любит. Бабушку, внушку, и даже этот пряник и вообще вечер, но скажет так, что услышит только Олень. И сразу же после этого раздастся звонок цвета металла, золотой, твердый и хрустальный. Он позвонит, и Олень услышит:

Каким дедушка увидел Оленя:

- Привет.
- Привет.
- Как дела?

И в этот момент Олень скажет сам себе: эти слова как конфеты. В них мягкая начинка и твердая глазурь. Это любовь, но она у

сдержанности стащила одежду, оделась и любит, но так, чтобы никто не узнал. Словно бы лучший французский трюфель, но в обертке, из-за которой неопытный покупатель скажет: разве это настоящий?

Олень прожил всего час и девять минут на свете, а был уже опытный. Он скажет себе - настоящий! И даже кивнет в подтверждение головой.

А вечер среды продолжался, и с каждой минутой в него входили новые запахи и новые краски. Когда глазурь на прянике высохла, Олень снова предпринял путешествие по кухне. На этот раз уже не в бабушкин карман, а на стол, на окно, и там он увидел свечку.

Состав свечки: парафин, нить, шелковый бантик и краски. И светлые теплые пятна, там где, видимо, брались за свечу пальцами. Олень узнал: эти плямы - любовь, которая спряталась в свечку, перелившись из сердца внучки по пальцам в подарок, и когда она подарила свечу бабушке, никто не видел, что в свечке, кроме парафина и воска осталась большая, бирюзового весеннего цвета, согретая по краям летним солнцем и украшенная зимним

колючим снегом, яркая, как осенний лист – большая-большая любовь. Олень дотронулся до ее цвета карамельным имбирным носом, краешки сухих ароматных рожек окунулись в тепло, и состав пряника обогатился. Впрочем, свеча не обеднела от этого и продолжала так же светиться плямочками, навсегда оставшимися на ней от рук.

- Иринарх, ты не видел пряник? - эти слова были цвета тревоги (а вдруг съел!), и недоумения – куда же он делся, если не съел, и еще какая-то сладкая цветная посыпка была приклеена сверху: такой сегодня длинный хороший день...

Бабушка нашла Оленя на окне, он прислонился к свече, и вид у него был, будто он спал и видел счастливые сны. Бабушка взяла его в руки и в этот момент случилось еще два события, которые и послужили тому, что история, рассказываемая мною, произошла на самом деле. В тот самый момент, когда бабушка взяла его на руки, Олень вспыхнул весь ярким невидимым светом, и любовь внучки, столько времени прятаясь в свечке, а теперь жившая в

Олене, вдруг передилась и тугим лучом попала прямо в бабушкино сердце как облако, взявшее пустынный цветок на небо. И Олень увидел, что бабушка узнала, вернее, почувствовала. Почувствовавши это, ее собственная любовь пролилась из сердца и огромной светлой каплей вылилась на пряник и поцеловала его. И хотя мы, если бы видели, сказали: «только что женщина поцеловала пряничного оленя и что-то прошептала: мы не расслышали - что...» Олень знал, что не столько бабушка, сколько сама любовь поцеловала его.

- Лети, Олень, и обними ее за меня! – вот что прошептала бабушка, сама не понимая, почему о внучке она говорит с пряником, с чуть неровными краями, изюмичной глазкой и белой глазурью лимонного запаха.

Состав Оленя обогатился. В нем была теперь, пожалуй, вся любовь этой женщины, и он чувствовал себя огромным, больше неба! А был таким маленьким, что тихо лежал у нее на ладони.

Этот вечер закончился, потому что Время с седыми глазами, безжалостно вытолкало его в историю и дернуло с

небес ночь. Ночь упала как занавес, закрыла от нас вечер, и на занавесе загорелись звезды. Олень летел по занавесу, и хотя и был пряничного цвета, но след за ним на ткани неба был светлым, как солнечный зайчик. Олень отталкивался от звезд ногами, и некоторые из них падали, и кто-то внизу смотрел на них и думал о счастье. Состав Оленя был теперь полон: кроме муки и яиц с медом и сахаром, в нем жили:

- Бабушкина любовь;
- Бабушкины молитвы;
- Утренняя благодать;
- Любовь бабушки и дедушки (ее он нашел, когда они пошли читать молитвы вместе, и пряталась эта любовь в коротких взглядах искоса, друг на друга, но так, чтобы никто не узнал);
- Любовь дедушки (к ней он притронулся, когда дедушка ложился спать, и чтобы никто не увидел, быстро поцеловал фотографию внучки, которая прикреплена была к стеклу

шкафа, словно бы невзначай, просто так. Но на самом деле, приклеил ее дедушка, и сделано это было совсем не просто так...);

- Дедушкины молитвы (и это был самый большой и страшный его секрет).

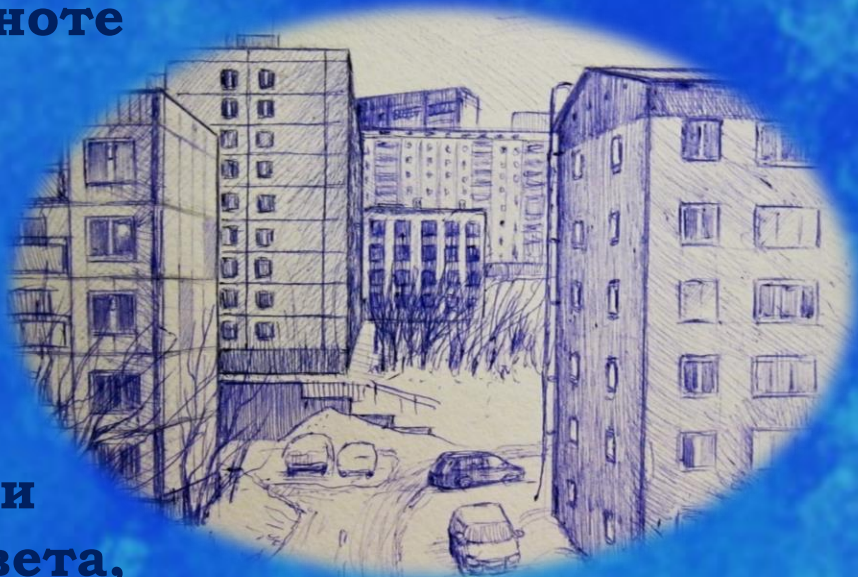
А лететь Оленю помогала любовь, которую взял он из свечки, свечка же рассказала ему, в какую сторону лететь.

Через четыре ночи Олень добрался до внучкиного города. Четыре ночи шел снег, а где-то в середине пути – дождь, и поэтому первое, что потерял Олень в своем путешествии – это белковую глазурь. Потом размокло печенье, потом упал и растаял в ночной темноте

изюмичный
глазок. Состав
Оленя

изменился –
теперь он был
чистая любовь
запаха солнца и
лета, цвета,

невидимого людям. В
воскресенье утром Олень проскользнул в
комнату: был день рождения, но внучка еще
спала. Олень, как велено было, тихо поцеловал
ее в щеку – от бабушки, и в лоб - от дедушки

(последнее он сделал уже немножко от себя, зная, что дедушке было бы неловко об этом просить). Олень поцеловал ее, и та любовь, что он нес сквозь ночь и снег, дождь и две страны цвета серго камня, та любовь, что светилась в нем и составляла его самого – согрела ей сердце.

Олень поцеловал ее, превратился в солнечный, оттенка серебристого месяца луч, и исчез. Но знайте, когда упала с неба звезда и

чиркая, едва не порвав натянутое над вами

покрывало ночи,

пролетела вниз,

исчезая, -

знайте, это

Пряничный

Олень снова

летит в ночи,

из города в

город, оставляя

на небе светлые

плямы, отталкиваясь

ногами от звезд, отчего вам кажется, что они мерцают, летит, неся в себе любовь и молитвы – до тех пор, пока любят и молятся ваши сердца.

